

Слово редактора

ИМПЕРСКАЯ ТЕЛЕГА, ЕЁ ВОЗНИЦЫ И СМАЗЧИКИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье осуществляется попытка применить к реалиям современной России концепцию политической бездарности, предложенную британским историком, специалистом по сравнительной истории империй Домиником Ливеном. В числе ключевых положений этой концепции следующие: все циклы модернизации России закончились поражением; Россия так и не смогла догнать развитые страны Запада; это свидетельствует о бесплодности имперской формы политического устройства. Одним из ключевых выводов статьи является тезис о том, что политическая бездарность российского руководства в постсоветском мире выражается в отказе от исключения насилия из политической практики и теории.

Ключевые слова: политическая бездарность, империя, распад империй, постсоветское пространство.

В предыдущих статьях я описал специфику русского и советского государственного разума и поставил проблему политического эпитонства и бездарности руководства Российской империи и СССР на основе реконструкции основных идей капитального труда Доминика Ливена [Ливен 2007]. Он зафиксировал наиболее яркий пример политической бездарности: Николай II и Сталин совершили одну и ту же политическую ошибку — вовлекли страну в две мировых войны [Макаренко 2016; Макаренко 2016a]. Из этого факта я извлёк методологический вывод: нужен поиск способов отказа населения и руководства современной России от монархической идентичности, от советской идентичности и от всех сложившихся на закате СССР способов связи советской идентичности с монархической идентичностью.

В процессе такого поиска надо учесть ещё одно принципиальное положение Ливена: все циклы модернизации России закончились поражением, несмотря на промежуточные военные победы; Россия до сих пор не смогла догнать развитые страны Запада; это свидетельствует о крахе всех попыток осуществить в России революции, реформы и модернизации сверху и о бесплодности имперской формы политического устройства¹.

Как проявляется политическая бездарность в современной России, которая пока не смогла преодолеть круговорот распада и воспроизводства империи [Геллер 1997]? Под таким углом зре-

¹ На этот аспект труда Д. Ливена не обратили внимания поверхностные рецензенты и комментаторы его труда [Кошкаров 2008].

ния я проштудировал заключительную часть труда Ливена, которая называется «После империи». В ней описаны основные события и тенденции постсоветского пространства 1990-х гг.

Реализация политической бездарности

Ливен считает 1990-е гг. начальным этапом массы постсоветских сюрпризов, среди которых особое значение имеет насилие [Ливен 2007: 531–647]. Но по сравнению с объёмом насилия при распаде других империй в бывшем СССР крови пролито немного. По мнению Ливена, причиной малого кровопролития является политика России, которая сыграла главную роль в уничтожении советской империи. Однако наибольшие жертвы население понесло от российской армии, которая уничтожила тысячи мирных жителей во время войны ради удержания Чечни в составе России. Русское население Чечни покорно гибло под пулями и бомбами собственного правительства. Эта покорность связывает русские диаспоры внутри-российских национальных республик с русскими диаспорами новых постсоветских государств.

Общей причиной покорности русских диаспор является отсутствие поддержки со стороны Москвы. Лозунг «защиты русской диаспоры» возник лишь в 1994 г. как элемент политической манипуляции в предвыборной борьбе. А по сути он был провозглашением старой идеи культурно-национальной автономии в совершенно иных условиях по сравнению с рубежом XIX – начала XX вв. Эта идея была реализована в Австро-Венгерской империи. В России она не была реализована даже в конце XX в. Для доказательства Ливен приводит факт: бывшим русским жителям бывших советских республик, которых выдавливали из новых государств, не дали даже доступа к российскому телевидению.

На этой основе Ливен фиксирует различие между Европой и Россией: в 1930-е гг. европейские державы не мешали Гитлеру финансировать и вооружать немецкую диаспору в Австрии и Судетах; в 1990-е гг. Россия этого не сделала, хотя события в соседних республиках давали повод к вмешательству. Неприкосновенность границ была возведена в ранг абсолютного принципа. Нарушение принципа за пределами РФ показало бы международному сообществу несерьезность ее намерений и вызвало бы внутреннюю нестабильность в России.

Русская диаспора — это множество людей, приученных веками к безропотному подчинению правительству. Они отвергали саму возможность открытого высказывания своих интересов и выдвижения лидеров для их защиты с помощью классических институтов гражданского общества. Постсоветским эквивалентом выдвижения и защиты интересов русской диаспоры в бывших союзных республиках стали бывшие союзные предприятия военно-промышленного комплекса. Русские меньшинства по всех новых государствах оказались без социальной и политической защиты. Стало быть, политика России *блокировала* сознательный политический выбор множества индивидов, навязывая им выбор вершины политико-бюрократической иерархии и принуждая их к политическому сервизму или эмиграции.

Ливен считает, что по историческим причинам русская политическая идентичность не могла возникнуть на основе западных идей гражданства, участия в политической жизни страны и гражданских прав. Она могла возникнуть только на основе русскоязычной космополитичной имперской высокой культуры. Мировое значение и престиж имперского государства и высокой имперской культуры стали частью русской ментальности и комплекса ощущений, образующих понятие «русский человек».

Советская русская идентичность стала набирать силу только в 1970-е гг. Но в период перестройки население убедилось, что СССР безнадежно отстал от Запада в экономическом соревновании. Были разоблачены преступления режима ради построения будущего общества. Попытки чиновников мобилизовать русскую диаспору для «интернациональных фронтов» в

целях защиты коммунистического режима и СССР не были поддержаны. А надежды на лучшую жизнь в постсоветском мире независимых республик рухнули во время экономического кризиса 1990-х гг. Поэтому ностальгия по советскому порядку расцвела в русской диаспоре сильнее, чем в самой России. В этом смысле риторика современных российских политиков является реакционной.

Ливен утверждает, что в некоторых районах Украины (Крым и Донбасс) местная лояльность и идентичность преобладала над лояльностью в отношении к новым государствам в России и на Украине. Рост недоверия к политической верхушке национальных государств, особенно к столицам как кровососам и эксплуататорам подстёгивал региональную идентичность. Ситуация осложнялась тем, что современная Россия всего на одну пятую состоит из этнических русских и ей приходится иметь дело с сильными националистическими движениями внутри нерусских и нехристианских меньшинств.

На этой основе Ливен определяет суть происходящих в России процессов: *избавившись от империи, Россия не стала национальным государством*. В этом контексте он фиксирует отличия и сходства между распадом СССР и распадом других империй. Прежде всего существует различие между чувствами немцев после 1945 г. и русских после 1991 г. Немцы проиграли войну, но спустя непродолжительное время в стране наступило экономическое возрождение и процветание. Советская империя рухнула в мирное время, без всякого иностранного вмешательства, а материального процветания большинства населения не существует до сих пор. Поэтому большинство не может адекватно воспринять распад СССР.

Ливен устанавливает сходство между отношением русских к событиям 1990-х гг. и австрийцев к событиям 1945 г. Там и здесь население пресытилось империями, бесконечными жертвами во имя Истории и прочих великих дел. Однако Вторая Австрийская Республика спустя всего десять лет после войны смогла обеспечить процветание населения и завоевать его лояльность. Постимперская Россия к 2000 г. этого не сделала. Российский народ в настоящее время озабочен проблемой выживания, а элита концентрирует усилия на обогащении. В итоге блокируется выработка разумной политики. Конец советской империи связан с коллапсом экономики и разочарованием в западном капитализме. Это создало нездоровую атмосферу в политической элите и отдалило ее от общества.

Ливен утверждает, что демократия в современной России — это режим помпезного пустословия, нарушенных обещаний, маскировки коррупции, неравенства, нищеты и преступности. Тожество СССР и российской демократии выражается в циничной показухе.

Существует различие между распадом Британской, Османской и советской империй. Победа в войне способствует дезориентации массового сознания и элит. С этой точки зрения существует определённое сходство между распадом Британской империи и распадом СССР — там и здесь население и элиты были дезориентированы победой. Тогда как сравнивать распады СССР и Османской империи неправомерно по темпоральным причинам (Османская империя распадалась больше сотни лет, СССР рухнул сразу). Правда, в Турции существовал краткий период противоречий между имперской (османо-мусульманской) и национальной (турецкой) идентичностью, что напоминает постсоветскую ситуацию. Однако в Турции сразу после распада империи ее враги пытались аннексировать исконные земли нации. В борьбе с этой угрозой турки обрели единство и героических лидеров. Ливен полагает, что элита и население России смогли бы поступить по образцу турков, если бы американцы захватили Москву, а поляки, китайцы и турки попытались бы разделить между собой остальные части России. Но в России 1990-х гг. таких угроз и врагов не было. Распад СССР не породил национализм. Наоборот, русский национализм способствовал распаду империи. Поэтому распад СССР менее ужасен по сравнению со всеми случаями распада империй.

Короче говоря, Ливен считает самым важным фактором сравнительно мирной кончины СССР поведение российского государства и русских. Но хотя федеративная система помогла провести раздел относительно гладко и без применения насилия, она не смогла обеспечить полностью мирный переход к независимости во всех республиках. Поэтому распад СССР является типичным постимперским кризисом в сфере экономики и политики.

Экономический кризис носит все характерные черты традиционного постимперского кризиса. Первостепенное значение для российской экономики имеют огромные пространства и военная мощь. Даже в экономическом смысле имперское наследие России усугубило трудности перехода социалистической экономики к капитализму. Политическое наследие империи породило в России *парадокс*: по экономическим причинам переход должен был быть более длительным и болезненным, чем в Польше или Венгрии; но с политической точки зрения требовалось, чтобы он прошёл максимально быстро, поскольку легитимность перехода ниже, чем в Польше, Венгрии и Чехии.

Ливен считает, что политическая ситуация в современной России аналогична государствам третьего мира. Здесь разворачивается противоречие между бывшей коммунистической знатью и националистической интеллигенцией. Власть знати воспроизводит власть политических монополий, опирающихся на ВПК. Националистическая интеллигенция потерпела поражение на политической арене, но окопалась в центрах образования и культуры. Поэтому в России нет условий для развития современной капиталистической экономики. Хаос и коррупция в вооружённых силах свидетельствует, что российский Пиночет будет больше похож на Мобуту. По мнению Ливена, самым худшим и наиболее вероятным для России является нигерийский сценарий: огромный потенциал растранируется из-за слабости государства, коррупции элиты, потери чувств патриотизма и гражданской ответственности. Такая Россия соединит худшие черты советской бюрократии и мирового капитализма. Русская Нигерия с ядерным оружием будет угрозой всему миру. По географическим причинам Россия может либо достичь в отдалённой перспективе вдвое меньшего уровня богатства и безопасности по сравнению с первым миром либо не достичь его никогда.

Это объясняется общими географическими и историческими причинами распада империй. Неформальная империя требует больших ресурсов и большего превосходства над конкурентами, чем стремление избежать «честного соревнования» при помощи силового или политического воздействия. Ни царская, ни советская Россия не смогли выиграть экономическую конкуренцию с европейскими державами. Та и другая для защиты своих интересов устанавливали прямой политический контроль над соседними регионами и рынками для компенсации экономической слабости. В современной России тоже существует эта тенденция. Она является главной причиной войн на постсоветском пространстве. На этой основе Ливен фиксирует параллель между постсоветской Россией и гитлеровской Германией.

Но гораздо больше факторов препятствуют возрождению имперских амбиций России. Нынешняя популярность евразийских идей в России порождена антизападными настроениями белой эмиграции. Но геополитическая ситуация 2000 г. радикально отличается от ситуации 1930-х гг. Поэтому имперские претензии евразийской идеологии бессмысленны. Сегодня империя не окупается даже с точки зрения силовых приоритетов. «Мысль о том, что Россия снова станет великой, — пишет Ливен на последних страницах своего труда, — если возьмёт на себя ответственность за судьбы многих миллионов мусульман, бывших советских подданных, или вторгнется на Украину, чтобы снова присоединить к себе Крым или Харьков, представляется совершенно невозможной. В лучшем случае такая политика лишь уверит беспокойных русских генералов, что Россия в военном отношении окажется сильнее Турции образца 2050 г. Это не будет ни грандиозным имперским свершением, ни достижением, скольконибудь достойным российской истории и огромных страданий, выпавших на долю россий-

ского народа. Пример Советского Союза ценой разрушенных судеб ещё как минимум одного постимперского поколения показал всему современному миру, что идея империи потерпела окончательное и бесповоротное банкротство» [Ливен 2007: 634]. Иначе говоря, такая политика вернёт Россию в XIX в.

Масса постсоветских сюрпризов

Концепция Ливена требует детального и многопланового обдумывания, размышления и применения к объяснению социально-экономических, политических и идеологических процессов. Начну с конкретного примера.

Ливен подчёркивает полный крах идеи империи. Однако в России эта идея остаётся популярной, о чем свидетельствуют целые книжные серии типа «Тайны Российской империи», «Русская имперская фантастика» и прочая макулатура, включая кино-, теле- и интернет-продукцию. Когда я пишу эти строки, в Рунете висит 26 000 000 сайтов, в которых слово «империя» используется на все лады — от производства дамских сумок до названия фитнес-клубов в Ростове-на-Дону. Маяковский предупреждал: «Дыра в ушах не у всех сквозная — иному может запасть». Систематизация множества примеров использования идеи империи во всех сферах социальной жизни на основе использования концепции Ливена может составить особый предмет исследования для ее корректировки и выяснения эвристических и политических пределов.

С учётом факта: по темам «национальное государство» и «государство-нация» в Рунете висит всего 1 490 000 и 517 000 сайтов соответственно. Даже из сопоставления цифр вытекает, что для осуществления банкротства идеи империи требуется в десятки и сотни раз больше практических и интеллектуальных усилий, чем для борьбы с национальным государством как типом политического устройства. Рунет занимается явной пропагандой идеи империи. В этом смысле обоюдная критика Ливеном того и другого оказывается полезной и продуктивной. Самое время напомнить слова батьки-сталина: большую опасность представляет тот уклон, с которым перестали бороться. Пишу фамилию сталина с маленькой буквы по примеру авторов словаря русской революции, которые описали множество причин превращения местных большевистских руководителей в «маленьких лениных» сразу после революции [Актон, Розенберг, Черняев 2014: 421].

Ливен считал совершенно невозможным вторжение России на Украину для присоединения Крыма или Харькова. Из Интернета я узнал, что 15 ноября 2013 г. Указом Президента Российской Федерации № 843 Ливена наградили орденом Дружбы². Но три месяца спустя после награды Ливена присоединение Крыма к России состоялось, а затем были развёрнуты военные действия в Донбассе. Не свидетельствует ли этот факт о необходимости уточнения концепции Ливена?

Я уже писал, что руководство России в своей политике возвратилось к точке зрения В.И. Ленина: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны» [Ленин 1969: 435], высказанной им накануне Октябрьского переворота. Под таким углом зрения можно рассматривать генезис и протекание конфликта между Россией и Украиной. Источником конфликта явилась операция российских спецслужб по присоединению Крыма к России. Поэтому я предлагаю для анализа постсоветской ситуации учитывать специфику полицейского общества, влияние военно-полицейских структур на политику, современный российский милитаризм, внутренний шпионаж как элемент государственного управления и особенности воен-

² См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ливен,_Доминик

ного цинизма в инициировании конфликта между Россией и Украиной [Русская власть... 2015: 453–572].

Иначе говоря, политическая бездарность российского руководства в постсоветском мире выражается в том, что оно не сделало всё для исключения насилия из политической практики и теории. Поэтому к оценке его деятельности полностью применима концепция Ханны Арендт, согласно которой мера насилия определяет нелегитимность любой политической власти в современном мире [Арендт 2014]. Эта идея развивается в исследованиях, в которых детально описаны когнитивные и религиозные предпосылки насилия и введены концепты «безвыходной ситуации» и «концептуальной тирании» для анализа ситуации в СССР, современной России и социальных науках [Агафонова 2002; Латышева 2007].

Производно от изучения данных проблем представляют научный и практический интерес ещё ряд выводов Ливена.

Надо быть готовым к массе постсоветских сюрпризов. Распады империй надо изучать по количеству пролитой крови и роли военно-карательных структур в сохранении центрально-периферийных отношений. При этом важно учитывать меру покорности имперских диаспор в постимперских государствах. Лозунги их защиты и неприкосновенности границ могут быть элементами политической манипуляции имперскими диаспорами со стороны прежней центральной власти. Предприятия военно-промышленного комплекса могут стать предпосылкой воспроизводства прежних имперских структур под прикрытием этнических идеологов. Эти структуры и идеологемы блокируют сознательный политический выбор индивидов.

Воспроизводство имперской идентичности может быть обусловлено также космополитизмом культуры, выраженной на одном имперском языке, в котором сливаются государство и ментальность. На этой почве среди колонистов могут развиваться различные формы ностальгии по имперскому порядку. Риторика ностальгии нуждается в детальном изучении с учётом региональных особенностей «риторики реакции», которая мешает адекватно воспринимать распад империй как норму политического бытия современности [Хиршман 2010].

Анализ отличий и сходств процессов распада империй необходим для описания данной нормы. При этом важно учитывать соотношение военных и мирных состояний периодов распада, а также уровень экономического развития страны и материального благосостояния населения. В любом случае процессы распада империй можно воспринимать не только как трагедию, а как комедию, для описания которой можно использовать язык и образы Я. Гашека и других сатириков. В состав этой современной и далеко не божественной комедии входит анализ проблем государственной политики в соотношении с проблемами физического и нравственного выживания населения в результате распада империй.

Тождество имперского бытия и демократии выражается в политическом цинизме, пустословии, маскировке коррупции, неравенства, нищеты и преступности. Победа в войне способствует дезориентации массового сознания и сознания элит. По этому критерию могут устанавливаться пропорции сходства и различия процессов распада империй, в том числе соотношения в них имперских и национальных стереотипов поведения и мышления. В целом распады империй являются формами проявления типичных постимперских кризисов в сфере экономики и политики, которые могут порождать парадоксы политического бытия.

В периоды распада империй надо учитывать противоречие между имперской знатью и националистической интеллигенцией. Власть знати воспроизводит власть политических монополий, опирающихся на ВПК. Националистическая интеллигенция может господствовать в центрах образования и культуры. Это противоречие блокирует условия для развития современной капиталистической экономики. В настоящее время в России существуют обе тенденции, которые определяют различия сценариев развития будущего. Наибольшей угрозой России является симбиоз советской бюрократии с мировым капитализмом. Он объясняется гео-

графическими и историческими причинами, типичными для периодов распада других империй. Российская империя и СССР всегда стремились избежать честного соревнования при помощи силового или политического воздействия. Царская и советская Россия не смогли выиграть экономическую конкуренцию с европейскими державами. Та и другая устанавливали прямой политический контроль над соседними регионами и рынками для компенсации экономической слабости. Такова причина войн на постсоветской территории, а также лансирования имперских претензий евразийской идеологии.

Но для Ливена не является идеалом и национальная модель политического устройства, которая воплощена в странах Западной Европы. Его концепция направлена одновременно против империи и национального государства.

Такая ориентация мысли развивается не только в исторической и политической компаративистике, но и в институциональных исследованиях. Например, Дуглас Норт с коллегами разработал синтетическую концепцию «естественного государства». В ее состав попадают все прошлые и современные государства, для которых насилие является главным принципом существования. При этом Норт выдвигает продуктивное сравнение: Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине — это «естественные государства». Путин хотел провести реформы с целью получить экономические ресурсы для укрепления своей власти, но едва стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти, он отказался от реформ [Норт, Уоллис, Вайнгайт 2011: 84, 246]. Иначе говоря, кроме насилия еще одним признаком «естественного государства» является использование экономических ресурсов для укрепления личной власти и право высшего лица государства принимать решения об этом. Эта характеристика присуща большинству империй, связывающих власть с ответственностью. Нынешняя власть в России продолжает культивировать эту связь. Поэтому концепт «естественного государства» имеет непосредственное отношение к современной России [Макаренко 2016б: 37–50]. Он позволяет описать процессы институциональной трансплантации во всем посткоммунистическом мире, для которого характерны (в большей или меньшей степени) имперские черты организации государственной власти [Мелешкина 2017].

С этой точки зрения устарелость идеи империи ещё не означает её физической смерти. Имперские институты продолжают существовать, а образующие их люди благополучно здравствуют. Поэтому концепцию Ливена можно рассматривать на фоне множества явлений, событий и тенденций, которые требуют иных принципов классификации.

Агафонова М.Ю. 2002. *Проблема насилия в познании*. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.

Актон Э., Розенберг У.Г., Черняев В.Ю. 2014. *Критический словарь Русской революции: 1914–1921*. — СПб.: Нестор-История.

Арендт Х. 2014. *О насилии*. Перевод с английского Г.М. Дашевского. — М.: Новое издательство.

Геллер М. 1997. *История Российской империи*. В 3-х т. — М.: МИК.

Кошкарлов А. 2008. Быть империей. — *Эксперт*. — Доступно: <http://expert.ru/expert/2008/01/liven>. — Проверено: 2.2.2017.

Латышева К.В. 2007. *Принуждение в контексте культуры: социально-философский анализ*: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. — Краснодар. — Доступно: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/216900.html>. — Проверено: 12.2.2017.

Ленин В.И. 1969. *Полное собрание сочинений*. Т. 31. — Москва: Издательство политической литературы.

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. — М.: Издательство «Европа».

Макаренко В.П. 2016. Русский государственный разум с точки зрения османо-российской имперской компаративистики. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3.

Макаренко В.П. 2016а. Советский государственный разум и проблема политической бездарности. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4.

Макаренко В.П. 2016б. Эвристический потенциал институциональной теории насилия. — В сб.: *Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития. Материалы III Международного политэкономического конгресса и VI Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2016 г.)*. Т. 1 — Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета.

Мелешкина Е.Ю. 2017. Возможности качественного сравнительного анализа (QCA) для исследования посткоммунистических трансформаций. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.: Изд. Института Гайдара.

Русская власть... 2016. *Русская власть и бюрократическое государство*. Часть 2. Отв. ред. В.П. Макаренко. — Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ.

Хиршман А. 2010. *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. — М.: Изд. НИУ-ВШЭ.